

ВМЕСТО ИСПОВЕДИ

Франсуаза Саган. Изящная жизнь, красиво очерченные характеры, внимание прежде всего к любовным переживаниям героев, у которых, сказал бы серьезный критик, «легкость в мыслях необыкновенная», и нечего тут думать и называть ее серьезной писательницей.

Около двадцати лет назад у нас впервые вышел перевод трех повестей Саган, и заинтересованные читатели, конечно, обратили внимание и на «девичоний» стиль совсем еще ранней, первой повести «Здравствуй, грусть», и на легкую печаль «Любите ли вы Брамса», и, конечно, на мягкую иронию в сочетании с глубоким психологизмом в одном из лучших, пожалуй, и по сей день ее романов — «Немного солнца в холодной воде». Казалось бы, традиционная французская «литература нравов» — любовь, легкая эротика, все для скупающего буржуазного читателя. Однако во

Франции литературная судьба Саган складывалась совсем не так легко, как может показаться... Прошло сорок лет, как опубликована «Здравствуй, грусть». Корреспондент «Нуэль обсерватёр», бравший недавно интервью у писательницы в ее собственном доме, спросил, как была воспринята первая повесть, почему она осталась в памяти читателей до сих пор. «Может быть, потому, что эта повесть насмеялась над временем», — ответила Саган. — Это была история девчонки, влюбившейся ранее положенного возраста, и не только не переживавшей по этому поводу никаких сожалений, но даже умудрившейся и не забеременеть. Это отсутствие моральных санкций породило скандал, и Мориак назвал меня тогда «маленьким чудовищем с симпатичной мордочкой», а я оспаривала премию Критики у самого Одиберти... Но успех не вскружил мне голову. Мои мысли направлены сегодня внутрь, в глубину».

— Однажды меня круто занесло на повороте, когда я ехала в машине с откидным верхом. У меня были переломаны все кости, я лежала с закрытыми глазами, не могла двинуть шеей. Но, если можно так сказать, это не в счет, потому что я ничего не чувствовала — я ведь лежала в коме. За всю жизнь я три-четыре раза была в коме. Самое долгое время — три недели — это было после сильной болезни, у меня случился отек легкого в Бо-

ните, мне пора выйти, чтобы сменить пластинку». Когда он показал нам спину, Сартр заявил мне, что нельзя всерьез принимать типа, который боится подвергнуться штрафу за то, что будет финансировать журнал для левых. После этого он и стал звать меня «проказница Лили»... Могу еще сказать, что мы иногда пересекались, он и я, в домике, где он имел любовные встречи с Симоной де Бовуар и где бывали я и мой муж. Да, вот о чем, оказывается, болтают в клубах.

— В каких клубах!

— Представьте себе, что существуют клубы Саган в Токио, так же, как клубы поклонников Мирей Матье. Вообразите только это, клуб поклонников Саган, который собирается по четвергам и субботам. Вот там меня приняли бы с цветами и оркестром. А здесь меня называют правонарушительницей. Это способствует успеху...

— Вы как-то сказали, что «и ваша жизнь, и творчество приятны, но сделаны успехом, на скорую руку». Приятно ли быть Саган!

— Очень. У некоторых моих книг прежде была трудная судьба. Но я ни о чем не сожалею, жизнь меня ничем не обделила, и если я все-таки не переплыла Атлантику, опираясь на собственные весла, — что ж, тем хуже.

По материалу
«Нуэль обсерватёр»
Д. САВОСИН.

● Франсуаза Саган за работой.

Фото из журнала
«Нуэль обсерватёр».

Франсуаза Саган: **Любовь, печаль и немного холодной воды**

Интервью перепечатывается с небольшими сокращениями.

— Нет, я здесь совсем не одинока. Как прекрасно быть от всего подальше, ведь так много людей, которые приходят, чтобы попросить автограф, просто посмотреть и проверить, похожи ли вы на ваши фото, да порой и не знаю, зачем. Я вражаюсь в маленьком кружке. Недавно обнаружила, что в этом домике жила когда-то поэтесса Люси Деларю-Мардрю, а также Люсьен Гитри, который именно здесь женил своего сына Саша уже не знаю на ком, кажется, на Ивонне Прентам. Свидетельницей была Сара Бернар. И каждое лето сюда наезжали друзья Гитри... У меня где-то должны быть фотографии, на которых изображена банда веселых бородачей в подтяжках, радостно играющих в «игру на стульях верхом».

— Художники. Без сомнения, вам было предназначено судьбой жить в этом доме...

— Это вы так думаете! На самом деле — случайность, игра фортуны, как говорили прежде. Раньше я просто останавливалась здесь в период летнего отдыха. Однажды ночью я много выиграла в казино — 8 миллионов франков. Это было 8 августа. Я вернулась в 8 часов утра. Хозяин, пожилой, очаровательный мсье, тут же предложил мне купить все — замок, ферму, 8 гектаров земли — за 8 миллионов. Он хотел тут же представить мне список имущества, но я была слишком измочалена. Я отдала ему весь свой выигрыш и отправилась спать.

— Ваше отношение к деньгам остается таким же легким?

— Таким же трудным, хотите вы сказать? Дом десяток раз подвергался риску быть заложным, Ануй хотел мне его купить, я часто это вспоминаю. А в вопросе денег меня наставлял мой отец. После того, как «Здравствуй, грусть» имела такой успех, в 1954-м, мой издатель Жюйяр пришел ко мне и сказал: «Франсуаза, вот у меня 500 миллионов франков, и они все принадлежат вам, но ведь вы еще маленькая, вы должны посоветоваться с вашим от-

цом — что с ними сделать». Тогда я решила побеспокоить папу. «Вот мсье Жюйяр спрашивает, что со всем этим делать». Мой отец посмотрел на меня и спросил: «Тебе сколько лет?» — «Мне 19». — «Oго-го! Немедленно все истрать, иначе это слишком опасно!». Он был прав: можете представить себе, кем бы я стала, если бы захотела тогда быть собственницей или куда-то вложить деньги? Отаратительной буржуа. И я все растратила. Мой отец давал блестящие советы. Именно он, прочитав «Здравствуй, грусть» в рукописи, посоветовал мне взять псевдоним.

— Это не показалось немного обидным!

— О, совсем нет, он нашел, что это очаровательная маленькая книжечка, но он хотел оставаться единственным человеком в телефонном справочнике, носившим фамилию Куарес. А мне было приятно найти фамилию Саган у Пруста. Это имя, которое не перестает приносить мне счастье. Саган, Саган, это ведь красиво, не правда ли? Учтите, что, уже не будучи Куарес, я была замужем сначала за человеком по имени Гюи Шёллер, а во второй раз — за мистером Бобом Вестхольфом. И молодой девушкой, и замужней женщиной я проводила время, пытаюсь прочесть свои визитные карточки. Саган — это по крайней мере простое и симпатичное имя.

— «Печальное чувство переправы» — ваш новый роман — сквозь годы и даже по названию кажется сегодня эхом «Здравствуй, грусть». Роман рассказывает день сорокалетнего мужчины, которому сказали, что через полгода он ум-

рет от рака. Но в конце выясняется, что...

— Нет, нет! Ничего не говорится о конце.

— Ну а как к вам пришла идея, с которой все началось!

— Однажды был момент — я думала, что умру через четыре часа. Это было как раз перед хирургической операцией. Тогда все думали, и это подтверждалось, что у меня раковая опухоль поджелудочной железы, которую нельзя исцелить... Перед операцией я попросила врачей оставить меня на столе. Это довольно забавно. Что-то очень пошлое и вымученное. Говоришь себе: «Ну что, это вот сейчас». Предположение чудом не оправдалось.

— Нет, нет, не говорите о конце! В самом деле, вы не любите часто употреблять слово «конец»...

готе, куда я ездила сопровождать президента Миттерана по его приглашению. Он потом сказал мне: «Теперь я буду брать вас только в равнинные края».

— Как известно, Сартр называл вас «проказницей Лили»...

— Да, мы с ним родились в один день. В один день с разницей в 30 лет. Я родилась 21 июня, как Сартр. Впрочем, как и Мишель Платини. Но это все неважно. У меня был знакомый бизнесмен, который меня усердно охаживал и, не зная, чем меня потрясти, предложил основать журнал для левых, чтобы я им руководила. Я ответила ему коротко: «Идите-ка вы к Сартру!», да и познакомила их во время какого-то завтрака. Представляете, какой ужас. Бизнесмен встал из-за стола посреди трапезы: «Изви-

